

в лице Дмитрия Герасимова дипломата со специальным интересом к вопросам географии и мореплавания и опытным литературного переводчика заставляет считать его наиболее вероятным автором русского перевода сочинения Максимилиана Трансильвана.⁵⁴

Однако этому предположению противоречит, на первый взгляд, одно обстоятельство. Казалось бы, находясь в Риме, Герасимов должен был заполучить и использовать для перевода экземпляр одного из римских изданий письма Максимилиана Трансильвана (в Риме перед приходом Герасимова вышли в ноябре 1523 г. и в 1524 г. второе и третье издания письма).⁵⁵ Между тем перевод сделан почти бесспорно с его первого кельнского издания 1523 г. На эту мысль наводит сличение текстов заглавия: в римских изданиях заглавие не по существу, но по форме (по порядку расположения его отдельных частей) по сравнению с кельнским изданием изменено.⁵⁶ Поскольку перевод в большей своей части выполнен как дословный (к заглавию это относится полностью), постольку изменение заглавия неминуемо должно было отразиться и в заглавии перевода, если бы он был сделан с римского издания. Между тем заглавие письма Максимилиана Трансильвана в переводе⁵⁷ полностью совпадает с заглавием его кельнского издания; следовательно, переводчик пользовался кельнским изданием. Но это обстоятельство мешает предположению о Герасимове как об авторе перевода только на первый взгляд: думается, что в кругу тех широко эрудированных представителей римской интеллигенции, с которыми общался Герасимов, имели хождение и экземпляры первого издания письма Максимилиана Трансильвана, и, очевидно, один из них попал в руки русского посланника.

Несомненно, что перевод письма Максимилиана Трансильвана на русский язык имел значение для распространения географических и исторических знаний в России: он был первым в древнерусской письменности известием о великих географических открытиях; он ознакомил русского читателя с полной историей замечательного путешествия, доказавшего шарообразность земли, и почти на столетие раньше Хронографа и «Космографий» и на несколько десятилетий ранее перевода «Всемирной хроники» Мартина Бельского сообщал сведения о Южной Америке, островах Океании и Индонезии, сведения, которые к тому же были получены не из вторых рук, а от участников экспедиции Магеллана.⁵⁸ Благодаря переводу письма Максимилиана Трансильвана в древнерусскую письменность входил также образец западноевропейской литературы путешествий нового времени, для которой было характерно подробное систематическое изложе-

⁵⁴ Мысль о Дмитрие Герасимове как об авторе перевода высказана также С. Марковым (см.: С. Марков. Круг земной, стр. 287—289).

⁵⁵ См. выше, прим. 23.

⁵⁶ В кельнском издании: *De Mollucis insulis itemque, aliis pluribus mirandus...* (см. выше, стр. 229). В римских изданиях: *Epistola Maximiliani Transylvani de novissima hispanorum navigatione...*

⁵⁷ О Молуккских островах и иных многих дивных... (см. выше, стр. 229).

⁵⁸ Письмо Максимилиана Трансильвана способствовало расширению географического горизонта русских читателей XVI—XVII вв. и благодаря изложениям его текста и отдельным извлечениям из него, включенным в состав энциклопедических произведений того времени. Упомянутая выше статья русского перевода «Всемирной хроники» Мартина Бельского «О португальских людях, которые ездили искать Нового света на восток солнца», содержащая описание путешествия Магеллана, представляет собою изложение письма Трансильвана, заимствованное, как уже отмечено, автором «Всемирной хроники» из «Космографии» Себастиана Мюнстера. Известие «Хронографа» 1617 г. о Молуккских островах является в свою очередь извлечением из названной статьи русского перевода «Хроники» Мартина Бельского, т. е. в конечном счете из письма Максимилиана Трансильвана (см. выше, стр. 233).